

В. Н. Томалинцев¹

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ «РУССКОГО МИРА»

Анализ постоянно усложняющихся механизмов социальной жизни требует и более искусных теоретико-методологических решений. Одно из них связано с поиском и изучением экстремальных принципов в системе «человек–общество». На практике в рамках осуществления национальных проектов по развитию нанотехнологий многими странами уже взят курс на создание предпосылок перехода к нанообществу — новому типу биосоциотехнической системы, имеющей целью реализацию экстремальных принципов жизнедеятельности человека. «Данная тенденция, — указы-

вает А. А. Давыдов, — обусловлена общесистемным принципом, действующим в технических и социальных системах, а именно принципом минимакса, в данном случае минимизацией размеров изделия при одновременном увеличении функций изделия. В этой связи принцип минимакса является одним из принципов оптимальности и обобщает экстремальные принципы, на основе которых функционирует общество»².

Универсализация, систематизация законов и принципов возможны только в рамках фундаментальных исследований. В области современной философской антропологии, общего человекознания и обществоведения назрела необходимость расширения круга закономерностей и обозначающих их понятий, служащих для объяснения новых сверхсложных социальных процессов, разворачивающихся в эпоху технотронной цивилизации. Это прежде всего касается экстремальных (вариационных) законов и принципов, позволяющих рассмотреть человека и его деятельность в системе экстремальных координат³.

¹ Старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Человек на рубеже тысячелетий: Парадоксы духовного развития», «Человек в XXI веке: Поиск на грани творчества и экстремизма», «Введение в социальную экстремологию: учебное пособие» (в соавт.), «Экстремаль России: прогноз развития», «Острые мысли: тематическое собрание афоризмов и изречений», «Типы личности и война между ними: комплексное исследование фактора личностного предназначения в структуре самосознания», «Самопознание таланта: Мир человеческих дарований, личностного предназначения в афоризмах, мыслях, народных изречениях» и др. Действительный член Академии гуманитарных наук. Руководитель программы «Экстремология» Фонда поддержки непрерывного образования «Университет развития». Награжден грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 122.

³ См. подробнее: Томалинцев В. Н. Экстремаль России: Прогноз развития. СПб., 2007.

Закономерности социальной жизни, культурного, исторического процесса, как и все в природе, отвечают требованиям общей (естественно-научной) и социальной *экстремологии* не только в части вариационности, которая путем проб и ошибок ведет поиск конечных экстремальных принципов, обладающих наиболее фундаментальным, всеобщим, универсальным характером, но и в формулировании на этой основе наиболее простых (кратчайших) и в то же время предельно эффективных путей достижения цели, оптимальной траектории развития. Не случайно экстремальные принципы определяются еще как вариационные или оптимальные.

В конкретных исторических условиях отдельным народам и странам удавалось овладевать новыми социальными закономерностями, находить более тонкие, усовершенствованные принципы жизнедеятельности, которые выводили их в мировые лидеры, предоставляя им возможность влиять на исторические события, определять систему международных отношений. Возможно, это были не вполне этически и эстетически выверенные действия, но всегда изощренные, новаторские, опережавшие время, находившие опору в неожиданных, экстремальных поступках: усилении мобильности, ужесточении иерархии и подчинения, развитии военного искусства и государственных институтов, продвижении авантюры мореплавания, дипломатии, торговли, научно-технического прогресса...

Наиболее отчетливо такие социокультурные флуктуации проявились в процессе образования мировых империй: Македонской (IV в. до н. э.), Римской (I в. до н. э. — V в. н. э.), Арабской (VII–X вв.), Монгольской (XIII в.), Османской или Оттоманской (XIV–XX вв.), Испанской (XVI–XIX вв.), Британской (XVIII–XX вв.). Сюда же можно отнести и Португалию, могущественную колониальную державу XV–XVI вв., или Древнюю Грецию, являвшуюся в свое время (V–IV в. до н. э.) величайшей культурной империей, и многие другие суперсообщества.

С этой точки зрения каждому отдельному народу предуготован свой путь исторического развития. Образно говоря, историю народов, человечества в целом можно представить в лице некоего спелеолога, который при изучении пещеры исследует не только пути к выходу, солнцу, но также фиксирует встречающиеся пустоты, обнаруженные завалы и тупики.

История, составляя карту лабиринта жизни, учитывает любой опыт, но прежде всего опыт народов, нашедших оптимальный устойчивый путь развития. Это хорошо согласуется с положением общей и социальной экстремологии о реализации экстремальных или вариационных принципов развития, которые логически связаны с математической задачей варьирования, то есть с поиском действительной ситуации или состояния путем перебора всех возможных вариантов. С помощью операции варьирования обнаруживается, как правило, минимальное, а точнее, экстремальное значение функционалов. «Кривая, как бы извиваясь, отыскивает в некотором интервале свое реальное, истинное положение и форму, которые суть кратчайшие и наиболее устой-

чивые из всех возможных (форма — экстремаль)»¹. Такая вариационная задача по оптимизации, адаптации существования возложена как на отдельные, конкретные социумы, так и на человеческое сообщество в целом. Здесь полезен любой опыт, включая трагический. Поэтому, говоря об исторических судьбах народов, необходимо придерживаться формулы дипломатии «Не плакать, не смеяться, но понимать».

Все крупные народы в периоды подъема, в условиях лидерства своей культуры обречены на создание империй. Россия и по своей природе, и по историческому предназначению всегда была и остается империей. Необходимо признать, что имперская (интегративная) модель развития составляет основу национальной идеи многих стран, в том числе России. Для России подобная идея — не блажь, не преувеличенная самонадеянность, но объективная необходимость, обусловленная тремя основными, тесно взаимосвязанными факторами существования: географическим, климатическим, геополитическим, имеющими во многом экстремальный характер, определивший историческую судьбу России, ее самостояние как евразийской цивилизации².

Важно отметить, что интеграционные процессы, инициированные русскими на евразийском пространстве, никогда не противопоставлялись историческому развитию великих держав, создававших свои империи часто за счет аннексии значительных заморских территорий. Такие заморские владения нередко подвергались насильственному присоединению к метрополии с последующим ограблением и частичным или полным истреблением коренного населения. Иное дело — Россия, развитие которой происходило в окружении огромного числа этносов и племен. Границы России всегда были протяженными, у нашей страны отмечается наибольшее число соседей, не всегда дружелюбно настроенных. Активно обороняясь, Россия вынуждена была расширять свои владения с целью контроля ситуации как можно на более дальних подступах к собственным землям.

Иначе говоря, историческая траектория движения России настоятельно требовала активного вмешательства в предотвращение нежелательных событий на границе, нуждалась в профилактическом воздействии, направленном на нескончаемые провокации и стычки, то и дело возникающие на огромных просторах прилегающих к ней пространств. То, что Россия никогда не несла угрозы крупным этнокультурным образованиям, подтверждает и тот факт, что ее армия, отражая агрессию, побывала во многих столичных и крупных городах Европы: Берлине (в 1760 и 1945 гг.), Милане (в 1799 г. во главе с А. В. Суворовым), в Париже (1814) и других, оставаясь там только по необходимости, на время.

Продвигаясь по всем направлениям, Россия включала в свои границы все новые территории, племена и народы. При этом уникальной чертой русского державного строительства оставалась способность объединить значительное число народов на добровольной основе. Среди них, например, — Молдавия, Грузия,

¹ Разумовский О. С. Оптимология. Новосибирск, 1999. Ч. 1 : Общенаучные и философско-методологические основы. С. 235.

² См. подробнее: Томалинцев В. Н. Указ. соч.

Армения, Казахстан, Кабардино-Балкария и многие другие. Одни искали собственного усиления, другие — спасения от разорения и геноцида, грозящего со стороны наступавших врагов. Так, во многих случаях весьма благосклонно к приходу русских отнеслось население Средней Азии, поскольку вскоре обнаружилось, что пошли на убыль вражда и столкновения не только между местными элитами, но и между различными мелкими аулами. Как справедливо заметил Л. Н. Гумилев: «Да и могло ли быть в принципе объединение земель и народов вокруг Москвы результатом одного лишь захвата и насилия? По всей видимости, нет. Без доброй воли и согласия это невозможно»¹.

Поэтому имперская политика России в корне отличается от милитаристской, колониальной политики классических империй. Россия, проводя линию *естественных* империй, в большей степени уповала на «мягкую» силу — взаимопомощь, умиротворение, компромисс. В результате русская интеграционная политика (русская экспансия) никогда не содержала в себе проекта глобализации.

Экспансия (от *лат.* *expansio* — распространение) — органическое свойство всего живого, подвижного, развивающегося. В истории русской экспансии всегда преобладала форма культурной экспансии, которой не свойственно проявление злонамеренной агрессии. Свидетельством тому явилось то, что в конце 1990-х годов советская империя «выплеснула» на политическую карту мира сразу полтора десятка суверенных народов, наделенных всеми атрибутами собственной государственности. И сегодня в России сохранены и представлены все народы и их культуры, вплоть до самых малых, когда-либо вошедших в ее состав. Даже в первоначальный советский период, когда возобладал идеал мировой революции, объединению народов придавался прежде всего интернациональный смысл, который содержал не националистический, а культурно-идеологический, классовый характер. При этом необходимо признать, что именно советскому периоду принадлежит заслуга нового осмысления имперской доктрины, пересмотра и перестройки внутриимперских отношений, получивших форму союзнического взаимодействия.

Конечно, это требовало не только формального теоретико-методологического обоснования, но и вполне конкретного содержательного наполнения, чего в определенный момент истории и не хватило. Но общественное развитие на этом не остановилось. Идея союзного государства успешно подхвачена и продолжает осмысливаться многими социально-политическими сообществами. Наглядным примером является строительство Евросоюза, который создавался без учета негативного и позитивного опыта СССР.

Логика экспансионистского развития, новейших политических технологий и социальных проектов привела к глобализации. В данных обстоятельствах задача крупных системообразующих культур состоит в том, чтобы не растерять свои естественные традиции, сохранить свой творческий потенциал, способность к са-

мостоянию. Необходимо, не уступая давлению извне, не впадая в политику изоляционизма, привести в процесс глобализации свои идеалы, свою систему ценностей, с тем чтобы они стали понятными, доступными и необходимыми для всех. Иначе говоря, процесс модернизации, модификации страны должен осуществляться путем не внешних уступок и послаблений, а делового компромисса, конвергенции.

Многонациональный, многоконфессиональный характер евразийской цивилизации обеспечил России хотя и многотрудную, порой весьма драматичную, но по-своему почетную роль самостоятельного центра, сглаживающего постоянные столкновения экспансионистских амбиций Востока и Запада. Не будь России, трудно представить, чем бы закончилось тысячелетнее противостояние двух великих, диаметрально противоположных культур.

В этих условиях Россия вырабатывала свою культуру, связавшую периферию Европы и Азии. Складываясь как самостоятельный Евразийский континент, Россия явила миру новую цивилизацию — Евразию. Эта цивилизация развивалась на основе идей и традиций, синтезирующих культуры окружающих народов, привнося в них элементы умеренности, примирения, диалога.

Огромная мощь интеграционной идеи, заложенной в русской ментальности, реализовалась в период объединения русских земель, в эпоху строительства Московского царства, Российской империи, формально воплотилась во времена создания и функционирования Советского Союза, ибо образование государства на принципиально новых основах, включающих союзнические отношения, явилось новым словом в политике, прорывом в области социального творчества. Создание союзного государства на бескрайних просторах Евразии обнаружило подлинное содержание национальной идеи Российского государства, подспудно реализуемой на протяжении всей его истории. Это понимал и Х. Д. Маккиндер — основатель геополитики, выдвинувший концепцию «географической основы истории» (1904), который утверждал: «Тот, кто владеет Евразией, — владеет миром».

Россия должна вернуться к тому, что в Серебряном веке было названо «чувством пути». Нельзя выпадать из процесса, тем более если он определен историей и культурой. Выход из эволюционного потока не только для отдельного человека или этноса, но и для сильного государства всегда трагичен, если не смертелен. В своей незаконченной статье «Беглецам из семьи» А. И. Солженицын писал: «Только народу, сохранившему органическую духовную связь с наследием предков, доступно обогатить и мировой духовный опыт»². Здесь также уместно обратиться к словам, сказанным в начале XX века русским патриотом Н. И. Бобриковым, занимавшим пост генерал-губернатора Финляндии: «Националистическое сознание и имперское сознание — это разные вещи. Националистическое сознание опасно для России, которую скрепляет и развивает именно имперское сознание. Край-

¹ Гумилев Л. Н. Думы о России // Учение Л. Н. Гумилева и современность. СПб., 2002. С. 238.

² Солженицын А. И. Беглецам из семьи // Российская газета. 2008. 11 дек. № 254. С. 28.

ности национализма и русского либерализма старался преодолеть П. А. Столыпин, пытаясь сохранить наиболее ценное из того и другого».

В статье «Предшествующее и последующее в контексте проблем “Большой истории”» О. С. Разумовский пишет: «Понятия (и концепция) предшествующего и предшествования как обобщений определенных видов последовательностей, их динамики и соответствующих феноменов и объектов исторического познания должны целиком лечь в основу понимания онтологии и истории объектов любого рода, феномена историчности и историзма как исторического сознания вообще»¹.

Говоря о православных ценностях накануне одной из поездок на Украину на встрече с представителями украинских СМИ, патриарх Кирилл заявил: «Это те же самые ценности, которые хранят в России, Белоруссии, Молдове и других местах. Это те ценности, которые и очерчивают параметры очень важного культурного и цивилизационного понятия, которое я бы сформулировал как “русский мир”. Русский мир не означает “российский”, тем более это не мир Российской Федерации. Это тот самый мир, который вышел из нашей общей купели — киевской купели крещения. Это тот самый мир, который существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры. От того, что кто-то отрицает этот мир, ничего не меняется: этот мир существует, это объективная реальность»².

Уже в наши дни на заданный радиостанцией «Эхо Москвы» вопрос: «Должна ли Россия идти на затраты для интеграции постсоветского пространства?» большинство откликнувшихся слушателей (54 %) ответили утвердительно, соответственно 46 % — отрицательно³. По данным опроса той же радиостанции, только 25 % слушателей поддержали тезис «Россия для русских» и 75 % высказались против. Вместе с тем ту же мысль, но сформулированную иначе, — «Россия для русских в разумных пределах» — поддержали уже 54 % респондентов⁴.

Естественные формы существования всякого организма, как биологического, так и социального, предполагают развитие. Россия, представ перед миром отдельной, самобытной цивилизацией, доказала, что является самостоятельной системой, в которой все элементы развивались не случайно, а закономерно.

На новом этапе развития мирового сообщества, несмотря на возрастающие сепаратистские настроения, актуальными остаются интеграционные процессы. Новые реалии современного мира заставляют искать и обеспечивать иные пути интеграции, в том

числе и на территории постсоветского пространства. В этом смысле вступление в силу Таможенного кодекса Таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном, курс, взятый на строительство Евразийского союза, — это правильный шаг в нужном направлении.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что в недалеком будущем вновь может возникнуть необходимость в поиске точного риторико-терминологического (понятийного) обеспечения правильного с точки зрения политкорректности обозначения нового межнационального объединения — Евразийского союза.

Исходя из неоспоримого факта, который зафиксирован еще в советском (*Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки великая Русь*) и российском гимнах (*Славься, Отечество наше свободное, / Братских народов союз вековой*), Евразийский союз по праву может быть назван Российским Союзом Суверенных Республик (РССР), а возможно, Российским Союзом Евразийских Республик (РСЕР).

Подобное решение позволит, с одной стороны, всем вошедшим в этот союз народам ощутить себя равноправными и суверенными его членами, наравне с федеративной Россией, с другой — дает возможность признать за Россией ее объединительную роль, указать на созидательный потенциал и исторические заслуги русского (шире — российского) народа.

Виталий Аверьянов в работе «Природа русской экспансии», рассуждая о стратегическом развитии России, выдвигает принцип *динамического консерватизма*⁵, который перекликается с принципом *догматического развития* в буддизме, пришедшим на смену вековому религиозному принципу догматического консерватизма⁶. По сути, в этих двух случаях речь идет об одном — о поиске равновесного движения к рационально сбалансированной инновационности, обеспечивающей оптимальный характер развития человеческой жизнедеятельности, включенной в культурно-исторический процесс, имеющий экстремальную систему координат. При подобном подходе наилучшим образом вскрывается и глубинная, сущностная сторона национального русского архетипа.

Восстановление исторической справедливости при осмыслении русской истории и пронизывающей ее национальной идеи как интеграционной миссии, соединяющей Европу с Азией, Запад с Востоком, может явиться переломным моментом в духовном возрождении России, который благотворным образом отразится на всей Евразии, принесет пользу всему миру.

¹ Разумовский О. С. Предшествующее и последующее в контексте проблем «большой истории» // *Философские науки*. 2006. № 10. С. 82.

² Патриарх в Одессе. Начался визит главы Русской православной церкви на Украину // *Российская газета*. 2010. 22 июля. № 161. С. 10.

³ Радиостанция «Эхо Москвы». Программа «Утренний разговор». 24 марта 2007 года.

⁴ Радиостанция «Эхо Москвы». Программа «Дым Отечества». 18 января 2009 года.

⁵ Аверьянов В. *Природа русской экспансии*. М., 2003. С. 168.

⁶ Абаев Н. В. *Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае*. Новосибирск, 1989. С. 105–107.